

ряет чувство целостности и исключительности этнического мировосприятия» [2]. Что касается понятия «манкурт», то, как известно, появилось оно благодаря роману Чингиза Айтматова «Буранный полустанок» («И дольше века длится день») и обозначает человека, потерявшего свои родовые «корни», человека-зомби, человека без стержня, «без дома», который подобен воздушному шару и летит туда, куда дует ветер.

Зачастую эти два понятия рассматриваются как синонимы, как одно, эксплицитно предполагающее другое, имеющее одинаково негативный смысл. Но оправданно ли это? Это во-первых. А во-вторых, возможно ли сохранение самобытной культуры народа в условиях интеграции, глобализации современной жизни? Возможно ли следование устоявшимся традициям в динамичном новаторском мире? Не является ли идея национальной автономности культуры в мировом сообществе фикцией, утопией? Не ожидает ли нас в будущем судьба маргиналов? Все эти вопросы актуальны сейчас и ответы на них остро противоречивы.

Если вспомнить страницу истории Древней Греции, в частности знаменитую эпоху эллинизма, то мы знаем, чем обернулась для греков, для греческой культуры в целом затея Александра Македонского подчинить духу эллинов, точнее эллинизировать огромное географическое пространство, населенное множеством этносов. Итог этому — падение Греции, ее самобытности, ее образцовой культуры, которая в результате ассимилировала с другими культурами, вопреки целям легендарного полководца не только расширить границы Греции, но и насадить повсюду греческий образ жизни, прежде всего духовный.

История выдает немало примеров, когда субъективная воля людей разбивалась о непреодолимую стену объективных процессов, вызванных этими волями, желаниями, и еще более активизирующихся вследствие их натиска. И чем больше задействовано в истории общества персонажей, тем хаотичней, непредсказуемей она (история). Что касается современного мира, то он вообще характеризуется испанским мыслителем Ортега-и-Гассетом как арена, где происходит мощное иррациональное «восстание масс» [3]. В свете изложенного создается впечатление, что глобализация представляет угрозу, хаос для будущего человечества.

Глобализация — сложное и многоплановое цивилизационное явление, охватившее современный мир. Это процесс, который разворачивается буквально на наших глазах. Его рассматривают с позиции самых разных подходов: с позиции экономики, и политики, и социологии и т.д. С позиции влияния на культуру глобализация зачастую рассматривается как ее гибель. «То, что является благом для рынка, для культуры — смертельная угроза. Рынок нуждается в единых для всех правилах игры, культура — в их разнообразии. Рынок нивелирует все национальные различия и особенности, культура без них не существует» [4].

Идею сущностной самобытности, уникальности культур особенно подчеркивал известный русский культуролог Н.Л.Данилевский в своей знаменитой теории культурно-исторических типов в работе «Россия и Европа» [5]. Эта теория оказала большое влияние на современных западных культурологов, заложив основу популярному в первой половине XX в. подходу трактовать культуру, исходя из ее пространственно-временной локализации. Основные положения, выдвинутые Данилевским:

- нет единой, стандартной истории развития для культуры, существует множество вариантов историй отдельных культур, которые взаимодействуют друг с другом или сменяют друг друга, развиваясь каждая по своим законам;
- любая культура имеет свою уникальную судьбу, свои особенности;
- всякая культура — автономная система, соизмеримая с другой.

В подтверждение этому знаменитый хайдеггеровский тезис «Язык — дом бытия» указывает, помимо всего прочего, на важность и необходимость языка любого народа как опоры, стержня, без которых невозможна человеческая жизнь априори.

Продолжая эти мысли в условиях современных интегративных процессов, на философско-методологическом уровне уже по-другому решается вопрос об общечеловеческой культуре. «Общечеловеческое, понимаемое как кем-то и как-то отображенное, унифицированное и принятое за эталон, — это гибель культуры, человеческой цивилизации, ибо предполагает усреднение, исключаящее многообразие, можно и нужно сказать, и многотворчество, что составляет сущность культуры, является источником ее развития» [6]. Общечеловеческое содержание культуры, таким образом, лишает культуру ее уникальности, тонкой ментальности. Формируется однополярный мир, усредняется культура, а по большому счету культура исчезает. Кажущееся внешнее разнообразие современного мира комуфлирует внутреннюю пустоту, в которой находят пристанище одинаковые материальные

потребности цивилизованных людей. В подобном контексте общечеловеческое — трагедия. Обще-человеческое не должно сводиться к общему знаменателю разных культур, а должно пониматься как единство в многообразии и разнообразии, порождая бесконечно новые миры. «Глобализация — не универсализация и мультикультуризм, а межкультуризм... утверждение, что мы сейчас живем в едином мире, является социологически непротиворечивым только в отношении экономических и геополитических процессов» [6].

Но как тогда будут развиваться и уже развиваются культурные процессы в современном мире? Возможно ли в условиях тесно взаимодействующего мира, для которого глобализация необходимо назрела как объективно, так и субъективно, сохранить этнокультурное многоцветие, многообразие и разнообразие? Как сохранить самобытность и свое лицо, свои исторические корни, многовековые традиции? Если да, то как? И нужно ли это делать? И что вообще делать для этого? То ли вопреки глобализации упорно оберегать свое, родное, привычное, традиционное, существующее испокон веков, делая для этого все мыслимое и немыслимое, используя государственно-административные, воспитательные или психологические методы воздействия, или, наоборот, способствовать сближению, ассимиляции или даже аккультурации, создавая универсальную культуру, способную развиваться в условиях изменяющегося, интегрирующего мира.

Как уже было сказано, глобализация — не случайное явление, а закономерная тенденция современности. Как и любой феномен, она не произошла стихийно, беспредпосылочно. Как любой фрактальный процесс (а человек как социальная система и все, связанное с ним, развивается согласно фрактальной парадигме, т.е. синергетично) глобализация имеет свои предпосылки развития и последствия. Поэтому ее нужно принимать как данность и относиться к ней спокойно, понимая, что любое социальное явление многогранно, и задача в том, чтобы найти ту грань, за которой возможен непоправимый урон в масштабах человечества.

В исследовательской литературе по проблеме глобализации поднимаются разные ее аспекты. Так, Е.Н.Устюгова в статье «Глобализация и культура: исторический контекст» раскрывает аспект осознания человеком своей национальной идентичности. Она пишет, что «...осознание культурной идентичности требует выявления обозначения границ, определяющих одну культурную целостность от другой. Проблема идентичности возникает вслед за отказом от трактовки индивидуального в обществе и культуре как автоматической проекции универсального порядка» [7]. Таким образом, автор обращает внимание на многослойность понятия «субъектность» и определяет идентичность как меру соотношения индивидуальной и надиндивидуальной субъективности, от осознания которой зависят оценки и самооценки человека, психологические реакции, поступки, коммуникации и многое другое.

Культурная идентификация отличается от социальной тем, что является более сложным, противоречивым процессом, в принципе незавершаемым, что в итоге не дает человеку абсолютной уверенности в выборе статуса. Культура, как известно, — понятие глубокое, многосложное, границы культурных образований всегда неточны, размыты. Поэтому культурная, а тем более национальная идентификация — процесс, в основе которого лежит самоопределение, подразумевающий творческую составляющую. А значит, в процессе культурной (этнической) идентификации проявляется сложная организация человека, субъекта, вместившего в себя весь арсенал разнообразных мотивов, идущих из прошлого, настоящего и устремленных на их основе в будущее. Это особый акт волеизъявления, регуляторами которого могут служить, помимо рациональных, масса иррациональных, культурных и цивилизационных, психологических, аксиологических, ментальных, деятельных и много других факторов. Поэтому при всей сложности культурной (этнической) самоидентификации, при всей неуверенности в выборе статуса в процессе глобализации человеку претит быть «Иваном, не помнящим родства», удивительным образом он себя позиционирует с представителями определенной культурной общности. Исходя из этих соображений глобализация не может представлять угрозу для национальных культур.

Угроза со стороны процессов современной глобализации еще более уменьшается, если рассматривать любую культуру как определенное соотношение всеобщего и индивидуального, глобального и локального, диалогического и монологического, что определяет специфику любой культуры, а вместе с тем особенности самоидентификации ее носителей, субъектов данной культуры. История знает немало случаев, когда происходили процессы взаимопроникновения отдельных культурных образований, и в результате возникали глобальные, новые культуры. Очень часто происходили факты экспансии культур, что приводило к возникновению огромных территорий, на которых доминировала одна культура над множеством локальных (например, культура арабов господствовала на обширной

географической территории Арабского Халифата в Средние века). Это один из вариантов глобализации, имеющий место в истории.

Другой вариант культурной глобализации представлен развитием и широким распространением конфессионального движения. При этом очень важно заметить, что конфессиональные принципы, которые вовлекались в определенные религиозные институты, распространяясь, формируя специальную религиозную символику, никогда не игнорировали своеобразие национальных культур ни в христианстве, ни в исламе, ни в буддизме. Поэтому современные мировые религии сохранили свои этнические особенности, что приводит к правомерности рассмотрения любого религиозного вопроса как национального. Отсюда вывод: культурная глобализация не может быть тотальной, она развивается в своем русле, не задевая всей культурной системы.

Еще одним примером глобализации в рамках культуры является развитие художественных стилей в Европе. С одной стороны, на определенных этапах развития европейской культуры во всей Европе господствовали единые стили, такие как готический, ренессансный, барокко, классический, но в каждой европейской стране они были пронизаны особым национальным колоритом. А в эпоху романтизма европейские государства щедро обменивались ценностями культуры, и, например, в архитектуре была очень модной эклектика, которая причудливо объединила элементы стилей разных народов и эпох.

Поэтому интеграция культурного пространства в истории развития человечества показывает нам, что в большинстве своих вариантов она не приводила к поглощению самобытных культурных образований. Такие примеры тоже были в истории, но лишь как частные случаи, скорее, как побочные последствия глобализации, а не как атрибутивные качества. Что касается фактов унификации или усреднения, их практически не было вовсе.

Если обратиться к историческому опыту человечества, связанному с самосознанием культуры, в нем всегда присутствовала идея целостности и универсальности культуры, как высокий идеал культуры, тем более подобный идеал никогда не воспринимался в качестве угрозы. Единый мир, единый собор, единая Земля, единая Родина, единый дом, единый язык, гражданин мира — все эти концепции были заложены в мировых религиях, гуманитарном знании, философском, научном. И тогда получается, что тенденции глобализма присутствовали всегда в человеческой культуре, и более того, они являются ее движущими силами, присутствуя в ней имманентно. А посему идея глобализма в меньшей мере навязывается извне — со стороны социально-материальных сфер.

Имманентная тенденция глобализации в содержании и сущности культуры подтверждается постоянным взаимовлиянием различных культур, а также апеллированием к забытым пластам культуры, актуализируемым спустя продолжительное время. Думается, что идея монотеизма в религиях играет здесь не последнюю роль, так как на протяжении двух тысячелетий формировалась во многих культурах единая система духовных ценностей.

Современные глобализационные потоки поставили перед культурами задачу двигаться в одном направлении. На этом пути, безусловно, неизбежны противоречия, даже столкновения элементов и пластов культуры. Мощные порывы глобализации вызывают к жизни противоположные силы сохранения границ самобытности, традиционности. Но это не конфликт, а борьба противоположных тенденций, которые уравнивают процессы глобализма, оберегая его от чрезмерной масштабности и непредсказуемости. Определяются пути и средства для регулирования отношений между полюсами, как-то идея мультикультуризма.

Более того, существует позиция, согласно которой «...если изоляция от мирового рынка — проигрышная стратегия, то единственное, что позволит избежать или как-то сгладить его отрицательные последствия, — это сохранение культуры» [4]. Автор данного высказывания раскрывает специфику культурной глобализации, выявляя ее позитивный потенциал, реализация которого расширит границы культурного пространства его за рамки локальных образований и одновременно сохранит особенности каждого из них. «Нельзя спрятаться от мирового рынка в скорлупу своей этнической или национальной идентичности, но и в условиях глобальной экономики можно сохранять свою национальную идентичность, придав ей характер культурной ментальности, существующей в масштабе уже не отдельной страны или региона, а всего мира» [4].

Думается, что подобные футурологические прогнозы невольно возвращают нас к проблематике, поставленной в заголовке настоящей статьи: «Маргинал или манкурт?». Принято считать, что понятие «маргинальность» в научный оборот первым ввел американский социолог Роберт Парк в своем эссе «Человеческая миграция и маргинальный человек» (Парк Р. Человеческая миграция и марги-

нальный человек. — Чикаго, 1928. — С. 881–893.), в котором выразил свои взгляды на процессы взаимодействия в среде американских иммигрантов, прибывших из разных континентов. Начав изучение последствий неадаптированности иммигрантов, он в итоге приходит к выводу, что «...маргинальный человек — всегда более цивилизованное существо, носитель космополитической культуры, продукт дезорганизации традиционного общества» [8].

«Космополит», или иначе «гражданин мира», — идеал немалого числа мировоззренческих конструкций, имеющих начало в философии античных киников, выразивших острый протест против человеческих волеизъявлений и видевших в них только угрозу для человека как родового существа. Долой все условные социальные границы: государственные, культурные, этнические. В унисон им звучат некоторые современные концепции генетики и антропологии о том, что деление людей на расы — неоправданно, в целом антигуманно, так как сродни делению собак на породы. В дискурсе киников присутствовал полный асоциологизм с присущим ему аморализмом (современные циники). И это есть не что иное, как проявление крайней формы социофобии, что явно демонстрирует отказ от всякой умеренности, нарушение мудрого принципа «золотой середины».

Применительно к феномену «маргинализма» принцип «золотой середины» — краеугольный камень. Маргинал и есть воплощение срединности между различными культурами, он продукт гармоничного «стыка» культур, духовно более обогащенный. Он заявка, продукт современного глобализирующегося времени, стирающего четкие границы между народами и этносами. Но это не гибрид, понимаемый как нечто безликое, пестрое, лишенное определенности. Подобное понимание маргинала порождает проблему маргинальной личности, спровоцированную самим социумом.

Об этом пишет американский социолог Эверетт Стоунквист в своем монографическом исследовании «Маргинальный человек» (1937 г.), предлагая рассмотреть проблему маргинального человека через призму культурного конфликта [9]. Маргинальная личность рассматривается им на примере личности, находящейся между двух огней, двух культур, которые переплетаются, порождая новую, объединяющую эти две. Исследователя интересуют психологические аспекты маргинальности. Маргинал погружен в психологическое пространство между разными культурами, социальными мирами, где происходит доминирование одного мира над другим. Когда подобное доминирование протекает в форме неприятия «чужака» косным социальным окружением, возникает непременно конфликт, вызванный осознанием своего подавленного положения. И тогда возникают внутреннее напряжение, стесненность, разочарованность, отчаянность, бессмысленность существования, агрессивность.

Но, как было сказано выше, маргинал не лишен этнической идентичности, он способен адекватно идентифицировать себя, но помимо этого он близок и к другой культуре, обладая хорошей возможностью гармонично их объединить. Но чтобы его этническая самоидентификация была полной, необходимы как его собственные усилия, так и взвешенная программа действий со стороны социума, направленных на сохранение богатства родной культуры. Маргинал — не манкурт.

Маргинальная личность, впитавшая в себя ментальные черты разных культур, будучи их ярким носителем, никогда их не утерять, а напротив, будет способствовать их единосуществованию взаимобогащению, но никак не смещению. Такова загадочная природа духа.

Список литературы

- 1 Википедия. — [ЭР]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wik/> (дата обращения: 01.10.2015).
- 2 Дробязко Н.Е. Маргинальная культура в современном обществе // Аналитика культурологии. — 2011. — № 19. — С. 8–14.
- 3 Ортега-и-Гассет. Восстание масс. — М.: АСТ, 2002. — 509 с.
- 4 Межуев В.М. Модернизация и глобализация: два проекта «эпохи модерна» // Глобализация и перспективы современной цивилизации. — М.: ООО КМК, 2005. — С. 23, 24.
- 5 Данилевский Н.Я. Россия и Европа. — М.: Институт русской цивилизации, 1991. — 816 с.
- 6 Егоров В.Н. Философия культуры и дискуссии о процессах глобализации // Глобализация и перспективы современной цивилизации. — М.: ООО КМК, 2005. — С. 98–111.
- 7 Устюгова Е.Н. Глобализация и культура: исторический контекст // Философские науки. — 2005. — № 12. — С. 34–38.
- 8 Парк Р.Э. Человеческая миграция и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. Сер. Социология. — 1998. — № 3. — С. 167–176.
- 9 Стоунквист Э. Маргинальный человек. Исследование личности и культурного конфликта // Современная зарубежная этнография. Реферативный сборник. — М.: ИС РАН, 1979. — С. 90–112.

Б.Ж.Жүсіпова

Маргинал ма әлде мәңгүрт пе?

Мақала авторы қазіргі әлемдегі мәдени қоғамның аса көкейтесті этникалық маргиналдық туралы мәселені көтеріп отыр. Этникалық маргиналдық ұлттық мәдениеттерді, дәстүрлерді, олардың ерекшелігін, ішкі байлығын сақтауға күмән келтіретін сияқты. Ол рас па? «Маргинал» «мәңгүрт» деген сөздің синонимі бола ма? Біздің болашағымызда бізді бір бірімен араласып кеткен, тарихи тамырларын жоғалтып алған этникалық гибридтер күтіп тұрған жоқ па? Бір жағынан, жаһандану — өркениеттің уақытқа сай жауабы, ал қазіргі жағдайда ондағы адамның өзін танып білу жолындағы рухани азаттығының деңгейі қалай болмақ.

B.J.Zhusupova

Marginal or mankurt?

The author raises the current modern world cultural community, the problem of ethnic marginality, which seemingly makes a call to the preservation of national cultures, traditions, leveling them and thereby destroying the inherent time immemorial unique identity and inner wealth. But is it? Is the concept of «marginal» and «mankurt» synonymous? Do not expect us in the future society of ethnic hybrids, assimilating each other and create a faceless universal human, national culture, devoid of historical roots? On the one hand, globalization — a necessary civilization application time, but what is the degree of spiritual freedom of man in the process of identity and how it is possible in the present circumstances.

References

- 1 Wikipedia, [ER]. Access mode: <https://ru.wikipedia.org/wik/> (the date of circulation: 01.10.2015).
- 2 Drobyazko N.E. *Analysis of Cultural Studies*, 2011, 19, p. 8–14.
- 3 Ortega y Gasset. *Revolt of the Masses*, Moscow: AST, 2002, 509 p.
- 4 Mezhuев V.M. *Globalization and perspectives of modern civilization*, Moscow: OOO KMK, 2005, p. 23–24.
- 5 Danilevsky N. *Russia and Europe*, Moscow: Institute of Russian civilization, 1991, 816 p.
- 6 Egorov V.N. *Globalization and perspectives of modern civilization*, Moscow: OOO KMK, 2005, p. 98–111.
- 7 Ustyugova E.N. *Philosophical Sciences*, 2005, 12, p. 34–38.
- 8 Park R.E. *Social and Human Sciences. Ser. Sociology*, 1998, 3, p. 167–176.
- 9 Stounkivist E. *Modern foreign ethnography. Abstract collection*, Moscow: IP RAN, 1979, p. 90–112.